

Тамара НЕСТЕРОВА

ВОЗВРАЩЕНИЕ РАДУГИ

Серый кот гордо вышагивал по белому снегу, оставляя на пушистом покрывале зимы незагаженный узор из вереницы следов. Эти неглубокие вмятины были чем-то похожи на раскрывшиеся бутончики луговых цветов — лепесток к лепестку. Ерунда! Обычные отпечатки лап... В отличие от четвероногого "жаворонка" Лана была стопроцентной "совой" и выглядела довольно сонной. Она уже минут пять стояла возле родного подъезда девятиэтажного дома, пытаясь наконец-то проснуться. Но почему-то ничуть не жалела о том, что попросила мужа разбудить её пораньше, — вчера, поздним вечером, вдруг возникло сильное желание прогуляться. Осуществить его Лана решила после сна, когда начнёт светать... Холодное утро распластало над городом хмурое небо. Куда-то спешили редкие тёмные силуэты людей. Чёрные выемки окон по своему количеству явно преобладали над теми, что горели слепящими пятнами.

Молодая женщина сделала шаг, потом другой и медленно двинулась вдоль дома. Вдыхая свежий воздух улицы, она вдруг почувствовала, как что-то внутри неё робко, но настойчиво начало требовать: "Ещё! Ещё!" На грустном лице промелькнула едва заметная улыбка. Взгляд закружил в поисках чуда. Но только смешанные цвета из чёрно-белых красок витали вокруг. Попытки отыскать голубую утреннюю звезду или блёкующую лимонную луну, догорающую в лучах восхода, сам восход — оранжевый или тёмно-розовый — потерпели полный крах. Лишь память упорно кричала о том, что мир — цветной! Эта мысль волновала и радовала Лану. Перчатки не согревали озявших рук, пора было возвращаться. Чем наполнит Лана сегодняшний день? Только бы он не стал таким же однообразным, как те, которые со-

провождали её в последнее время!

Распахнул свои объёмные золотые лучи солнца усыпанные снегом переливающимися бриллиантами. Красногрудые снегири клевали пламенеющие ягоды рябины. Ребятишки, одетые в пёстрые куртки, шумно неслись

кользали. В чём же заключалась причина её страданий? Ответов на этот вопрос можно было найти видимо-невидимо. В том, например, что они с мужем уже давно живут не "в унисон", а каждый сам по себе. Или в том, что она работает на дому и "выходы в свет" стали

Она подошла к зеркалу. Да!.. Как говорится, слов не было, только эмоции. Лане хотелось с разбегу

Теперь всё будет хорошо!

Когда с работы вернулся уставший супруг, его встретила незнакомка. Пышные блестящие волосы были слегка подвиты книзу, неброский макияж подчеркивал выразительные карие глаза и придавал большую нежность изящным губкам. Надоевший халат сменили спортивные брюки и салатная хлопковая блузка. И когда муж на секунду задержал на Лане взгляд, та ожидала восторга, удивления, комплимента какого-нибудь. Но только не того, что произошло. "Привет, — сказал он. — Вымотался. Пойду отдохну". И заснул, ничего не заметив! В Лане вспыхнула злость. "Ну и пусть! — гневно думала она. — Тоже мне, муж называется! Хотя бы поцеловал разок в щёчку! Да о чём тут может речь вообще идти — когда цветами в последний раз баловал, не помню!"

Цветы... Ей вдруг так захотелось цветов! Прямо сейчас! Букет!

"Мам! — заглянув в комнату, улыбнулся сын. — Ты здорово выглядишь!"

Брыз счастья снова коснулся сердца Ланы. "Спасибо!" — благодарно прошептала она. И подумала: "Настоящий мужчина растёт!"

А желание видеть букет цветов, любоваться им не исчезало...

Лана быстро оделась и вышла на улицу. Вот она остановилась перед магазином, и "наблюдательные" двери тут же раз-

ехались в стороны. Она увидела его сразу, среди множества других. Букет из розовых роз, декорированный веточками с белыми бусинками мелких соцветий. Осторожно прижав нежный всполох радости к себе, Лана шла домой. Темнело. С сиреневого неба медленно спускалась на землю ночь. Но снег продолжал играть оттенками голубого цвета, и тёмно-зелёные ёлочки не желали отдавать сумраку свою красоту. Янтарная луна откинула густую вуаль скрывающего её лик облака. Звёзды, похожие на лампочки новогодней гирлянды, загадочно выглядывали из рваных окосек, образовавшихся далеко в вышине. Лана была очарована этой сказочной картиной. Мимо, прямо под зажжённым фонарём, прошептывал огненно-рыжий кот, величественно распушив огромный хвост.

Лана присела возле мужа, с улыбкой заглянула ему в глаза, и сердце вдруг застыло. Сколько боли увидела она! Сколько тоски безмолвной! "Что с тобой?" — спросила Лана. "Ничего..." — пресно ответил муж. Когда же они в последний раз смотрели в глаза друг другу? Так, чтобы всё прочесть там? Женщина не помнила. Лана погасила свет и забралась под одеяло. Осторожно провела пальцами по щеке супруга. Он поцеловал её запястье. Ей хотелось отдать мужу всю нежность! Супруг с благодарностью принимал её ласки и в ответ дарил свои. Ночь танцевала, превратившись в радугу над их домом.

"Я люблю тебя!" — проникновенный голос мужа, казался, таял в воздухе. Солнце осветило комнату и похожий на розовое облачко букет, стоявший в вазе на столе. Лана решила вновь заглянуть супругу в глаза. Тёплые глубокие озёра излучали счастье. "И я тебя, милый!" — прижалась к своему любимому Светлана.

с ледяной горы. А Лана старательно смотрела в окно, пытаясь сконцентрировать своё внимание то на покачивающейся, словно покрытой коричневым лаком, ветви дерева, то на алом фартушке одной из птиц. Проходила минута-другая, и женщина опять всё видела в сером цвете — ухидила в свои невесёлые мысли, и радужные краски тут же ус-

большей редкостью. Или в том, что супружеских доходов едва хватает, чтобы залатать дыры в семейном бюджете. Список мог бы пополниться ещё множеством "в том, что..." Лана вдруг ясно осознала, что её ужасно раздражает бесконечное нагромождение серого цвета в её жизни, и начинать всё менять нужно именно сейчас и именно с себя.

нырнуть в изумительную ширь жизни, слиться с ней, качаться на её волнах... Но только не с такой причёской! Достав с полки шампунь, женщина повернула кран и почувствовала, как вода обдала её тёплыми брызгами. Кажется, разноцветными!.. Лёгкий бриз счастья ворвался в ванную комнату! Лана засмеялась. Пелена уныния надорвана.

ВОТ ТАКОЙ АЙВАЗОВСКИЙ...

РАССКАЗ ХУДОЖНИКА

Вот говорят, что искусство не знает границ. Так-то оно так, но с другой стороны можно сказать, что и границы не знают искусства. Вернее, его не признают. В упор не видят.

Был у меня случай: решил съездить к отцу на день рождения. Батя мой живет в Краснодарском крае, в пути приходится пересекать территорию Украины. А это как-никак уже за границей. Со всеми вытекающими...

С деньгами у художников, как водится, напряженка: наскреб на билет, в качестве подарка выбрал пейзаж, написанный накануне, и стал собираться. А краем уха где-то слышал, что произведения искусства надо каким-то образом оформлять. Каким? Никто не знает.

Я пошел к таможенникам. Отстоял очередь в кабинет: так, мол, и так — что надо? Они в затылках чешут, говорят что-то невнятное и посылают меня в отдел культуры администрации города. Там тоже делают квадратные глаза и посылают аж в Москву!

Есть, дескать, там учреждение, министерство называется, где печати какие надо ставят. А мы не можем, не уполномочены. Гоняли меня туда-сюда неделю, запарили. Но решил на принцип пойти, уж больно отца хотел порадовать.

Что делать? Времени в обрез,

да и еду я всего на недельку, где тут по столицам раскатывать! Я опять к таможене, взмолился: братцы, дайте хоть какую-нибудь бумагу, что не Шишкина я везу и не Айвазовского, ущерб родной культуре не нанесу — свое собственное творение транспортирую. Дали мне такую бумажку, но гарантий никаких, что меня с картиной пропустят. Делать нечего, решил рискнуть.

Сел в поезд, еду. А сердце не на месте — вдруг заметут? Подъезжаем к границе, начинается шмон наша таможеня. Входит этакий бугай, глазками своими заплывшими сверлит пассажира.

Я сдурю к нему — вот, картину везу, бумага имеется, показываю — не будет ли осложнений на украинской границе?

Он мне: "Выйдем в тамбур". Вышли. "Художник?" — "Художник". — "А ну руки вверх!" И давай мне карманы выворачивать. "Знаем мы таких художников. Где наркотики?"

Кое-как удалось убедить, что кроме холста с пейзажем — ничего. Я говорю: "Не могли бы вы еще бумагу, что это моя картина?" — "А откуда мы знаем, что

это твоя? И вообще, ссадим сейчас с поезда." Я уже и не рад, что полез со своим вопросом, сел на лавочку, молчу.

Чувствую, потихоньку впадаю в панику: впереди еще украинская таможеня, а там, говорят, вообще беспредел. Тут еще старушки, едущие в вагоне, накачивают, хоть на ходу сигай с поезда.

Заметался я по купе: что делать? Потом успокоился маленько, думаю: была не была. Пейзаж этот злополучный взял и на самую верхнюю полку пристроил.

Сверху матрасом аккуратно эдак и чехоманчиком.

Но мандраж небольшой остался, и когда в купе вломился таможенник, то глазом своим наметанным сразу меня вычислил. "Что везем?" — "Да ничего особенного, вот чехоман наверху". — "Давай его сюда!"

Поднялся я, подошел к полке, взялся за ручку, дернул к себе поклажу... И тут, к своему ужасу, вижу, что вместе с чехоманом по полке скользит матрас, вместе с матрасом — пейзаж, и перед взором остолбеневшего тамо-

женника предстает вид морского побережья Тамана.

"Это что у тебя тут такое?" — "Да так, этюд", — говорю, по возможности небрежно. То ли само слово произвело впечатление, то ли все помыслы стража границы были направлены на чехоман с возможной контрабандой, но инцидент оказался исчерпанным. Неподъемный мой чехоман, забитый книгами, особого впечатления на таможенника не произвел. Подозрительно осмотрев двухкилограммовый том пейзажей Айвазовского и слегка поковыряв ногтем его переплет, он спросил: "Так ты чё, художник?" Удовлетворившись положительным ответом, таможеня дала "добро".

Поздравил отца честь по чести, посидели хорошо. По-южному богатый стол: от горилки с салом и умопомрачительными соленьями до молодого вина, нежнейшей рыбы, фруктов и прочего. Словом, пир богов в разных модификациях.

И дернул же меня черт написать натюрморт со всего этого изобилия! На память хотел привезти в Орел, чтобы в дни бескормья хоть полюбоваться на это изобилие. Но это уже совсем другая история...

Записал
Александр СПИРИДОНОВ.